

УДК- 908

Прохоров Михаил Федорович

Российский государственный университет туризма и сервиса
г. Москва, Россия
e-mail: 2210.mfp@mail.ru

ПОДМОСКОВНОЕ КУНЦЕВО В ГОДЫ НЭП

Аннотация. Автор рассматривает социально-экономическое и культурное положение подмосковного города Кунцево в 20-е годы XX века. Тема недостаточно разработана в отечественной историографии. Источниковой базой послужили архивные документы - договора, протоколы, заявления, постановления, указы депутатам. Источники позволяют проанализировать состояние промышленности, мелкого товарного производства, коммунального хозяйства, торговли, транспорта, благоустройства, образования, быта и досуга.

Приводимые факты свидетельствуют о развитии государственной, кооперативной и частной форм сервисных услуг. В годы нэп заметно повышается образовательный и культурный уровень жителей Кунцево, их быт и досуг. В поведении кунцевчан наблюдается успешное сочетание старых и новых традиций. В конце 1920-х годов происходит свертывание частного капитала, ведущее место начинает занимать государственный сектор экономики.

Ключевые слова: досуг, коммунальное хозяйство, Кунцево, образование, промышленность, сервис, торговля, транспорт

Для цитирования: Прохоров М.Ф. Подмосковное Кунцево в годы НЭП. *Культурный ландшафт регионов* 2020. Том. 2. № 1. с. 77-89.

Mikhail F. Prokhorov

Russian state University of tourism and service.
e-mail: 2210.mfp@mail.ru
Moscow, Russia

MOSCOW KUNTSEVO IN THE PERIOD OF THE NEW ECONOMIC POLICY

Abstract. The author examines socio-economic and cultural provisions of the Moscow region city Kuntsevo in the 20S of the twentieth century. This topic is insufficiently developed in the national historiography. Source base of the study archival document is represented by contract, minutes, statement, decision, orders to deputies. Sources allow

to analyzing state of the industry, small commodity production, municipal economy, trade, transport, formation leisure and everyday life.

The facts indicate about development state, co-operative, and private form of service. During the nep years, it is noticeable the educational and cultural the level of citizens increases, their life and leisure. In the behavior of kuntevshina observed successful combination old and new traditions. At the end of the 1920s private capital is being curtailed the leading position begins to take government sector.

Keywords: leisure, municipal economy, Kuntevo, formation, industry, service, trade, transport

For citation: Prokhorov M.F. Moscow Kuntevo in the period of the New Economic Policy. Cultural landscape of the regions. 2020. Vol. 2. no. 1. PP. 77-89. (In Russ., abstr. in Engl.).

Проблема новой экономической политики в 1920-е годы занимает важное место в современной российской историографии. Возрастает интерес к частичной денационализации промышленности, развитию кооперативного движения, становлению рыночных отношений, изменению традиционного менталитета населения и его социального поведения в повседневной жизни, роль власти в новых условиях. Изучение таких явлений имеет большое значение как на макроуровне общероссийской действительности, так и на микроуровне отдельных территорий – краев, областей, районов, городов, поселков. Подобный способ исследования позволяет выяснить общее и особенное в нэпе, ее проявление в различных регионах страны и влияние на общество в целом. Такой подход особенно актуален в настоящее время, когда политическое руководство России выбрало курс модернизации всех сфер общественной жизни – экономической, политической, социальной и духовной.

Среди известных в настоящее время региональных работ по истории нэп [1] малоизученный опыт подмосковного Кунцево представляет существенный интерес. История Кунцево периода 1920-х годов практически не изучалась, имеются работы, касающиеся лишь отдельных сторон заявленной темы (отношение населения к нэп, состояние предприятий, действия местных властей и т.п.) [2].

Цель статьи – проведение комплексного анализа различных сторон социально-экономической и культурной жизни Кунцево в 1920-е годы. В этой связи важной задачей изучаемой темы является исследование нэп в городском секторе экономики Кунцево – местная промышленность, коммунальное хозяйство, мелкое кустарное производство, торговля, кооперация, образовательный и культурный сервис.

Методологической основой статьи является принцип исторической объективности, предполагающий системный подход к различным сторонам социокультурных и экономических аспектов, характерных для периода нэп.

Источниковая база работы состоит преимущественно из неопубликованных архивных материалов ЦГА г. Москвы и ЦГАМО. Документы представлены перепиской учреждений, протоколами, резолюциями, постановлениями, директивами, отчетами, экономико-статистическими материалами, справками, наказами депу-

татам, заявлениями и т.п. Как правило, делопроизводственный материал готовился сотрудниками местных органов власти в лице Козловского волостного исполнительного комитета (вик) и Кунцевского городского совета (горсовета), а также вышестоящими Московским уездным исполнительным комитетом (уик) и РК РКП (б) Московского уезда. Немаловажное значение имеют протоколы заседаний фабрично - заводских комитетов и выступления на них рабочих. Документы, взятые в совокупности, позволяют проследить конкретно за осуществлением новой экономической политики, ее ходом, трудностями и результатами «снизу», то есть с позиции местной власти и повседневной жизни людей. Отметим, что часть документов этого периода погибла во время наступления немецких войск на Москву осенью 1941 г.

В начале 1920-х годов подмосковное Кунцево представляло рабочий поселок, окруженный поселениями с рабочим и сельским населением – Большая Сетунь и Малая Сетунь (нередко называли Сетунь, или Спас-Сетунь), Богдановка, Некрасовка, Мартыновка. Все указанные населенные пункты входили в то время в состав Козловской волости Московского уезда. До 1925 г. городским центром была Сетунь, а затем рабочий поселок Кунцево.

1920-е годы были сложным периодом существования молодого Советского государства, когда стала осуществляться новая экономическая политика. Новый курс, провозглашенный правящей партией большевиков, признавал возможность существования многоукладного хозяйства и временного допуска частного капитала в экономику страны, но под жестким контролем государства. Подобная политика привела к возникновению и развитию после гражданской войны не только государственного и кооперативного, но и частного сектора хозяйства. Наиболее четко это проявлялось в различных регионах страны, в том числе промышленно развитом подмосковном Кунцево. В исследуемом районе восстанавливаются и расширяют производство такие крупные фабрики как ткацко-отделочная №14 (бывший владелец Ф. Раддавей или Реддавей), брезентно-клееночная им. Ногина (бывшая владелица С.Сакс), игольно-платиновая им. КИМ, а также заводы Красный снаряжатель и кожевенных изделий. Благодаря оживлению производства, численность рабочих Кунцево и его окрестностей увеличилось почти в три раза, и фактически достигла довоенного уровня - 2800 человек. Заметно возрастает и численность рабочего класса в г. Кунцево: в 1926 г. составляли 2221 человек, в том числе 1121 работник и 1100 работниц.

Рост промышленного производства, возможность найти работу, близость к Москве привлекают сюда многих жителей страны. С 1920 по 1928 гг. численность населения здесь возросла с 3292 до 8940 человек, то есть в 2,7 раза. Доля проживающих в Кунцево рабочих достигла 26,8% [3]. Рабочие в целом одобрительно подошли к переходу от «военного коммунизма» к нэп, но выражали свое недовольство по поводу низкой заработной платы, безработицы, повышению тарифных ставок и одновременному снижению расценок. По этому поводу в информационной сводке Московской чрезвычайной комиссии (МЧК) от 2 ноября 1921 г. указывалось: "Состояние рабочих в общем спокойное, но еще менее устойчивое, ... что объясняется недостаточным снабжением рабочих спецодеждой, задержкой выплаты жалованья, неудовлетворительной работой кооперативов, отрицательным отношением рабочих к сдаче предприятий в аренду" [3].

После гражданской войны большие трудности испытывало коммунальное хозяйство. В начале 1920-х годов был продолжен курс, начатый в период «военно-

го коммунизма», на национализацию и муниципализацию частного жилищного фонда и его уплотнения для трудового населения. Численность населения в Кунцево возросла с 3000 до 10000 человек». В отчете Козловского волостного исполнительного комитета (вик) за 1923/1924 гг. подчеркивалось: «Жилищный вопрос в поселках обстоит очень плохо из-за неимения квартир рабочими и служащими». Козловский вик принимает решение об инвентаризации всего муниципализированного и национализированного жилищного фонда для рационального распределения его среди трудового народа. В это время жилищный фонд в Кунцево был представлен 216 муниципальными и 434 частными домами.

К сожалению, на протяжении 1920-х годов состояние жилого фонда оставалось неудовлетворительным. В условиях дефицита жилья отдельные предприятия принимают самостоятельные решения по заселению заброшенных домов. Так поступила администрация ткацко-отделочной фабрики №14.

В 1921 г. городские власти констатировали факт «запущенности ряда прекрасных зданий бывших владельческих особняков». В наказах кунцевских рабочих неоднократно содержались предложения о «приведении коммунальных домов в надлежащий порядок». По-прежнему отсутствовал необходимый контроль над содержанием и ремонтом муниципального жилья [4].

Не имея средств содержать муниципальные дома, городские власти начинают постепенно возвращать их прежним владельцам. С другой стороны, городская администрация активно применяет на практике Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 21 января 1928 г. об изъятии 10% жилого фонда из частного владения тех владельцев, кто имел свыше 91 кв.м. полезной площади. На освободившуюся площадь заселялись жильцы от Кунцевского городского совета (горсовета), обязанные платить квартирную плату в местный бюджет.

Подобная практика расширяла государственный жилищный фонд. По данным 1927 г. в Кунцево числилось 248 муниципальных строений (возросло на 14,8%) и 336 частных владений (сократилось на 29,2%). Арендаторами становились советские учреждения, жилищные товарищества, частные лица, военное ведомство [5].

В целях смягчения жилищного дефицита местные власти во второй половине 1920-х гг. активно поддерживают инициативу предприятий по индивидуальному, кооперативному и ведомственному строительству. Создаются жилищно-строительные кооперативы (ЖСК) при кунцевских фабриках №14, им. Ногина, игольной, заводе Красный снаряжатель, железнодорожной станции «Кунцево» и подстанции МОГЭС. Первые земельные участки под постройки отводятся при Рублевском шоссе, поселке «Красные зори» и железнодорожной станции «Кунцево». Здесь же появляются и первые кооперативные постройки.

Но распределение земельных участков под застройку шло неорганизованно и стихийно. На собраниях рабочих игольной фабрики нередко в адрес Кунцевского горсовета звучала критика о слабой работе по сдаче участков под застройку («строят, как кому хочется»). Одновременно горсовет обвинялся в нарушении справедливого характера распределения участков. По мнению рабочих, горсовет «предоставляет участки нэпманам, а не рабочим».[6].

Нэп создает благоприятные условия для развития в Кунцево и его окрестностях мелкого кустарного промысла. По данным 1927 г. в деревне Малая Сетунь насчитывалось по 4 кустаря и извозчика, а в деревне Большая Сетунь числилось 15 извозчиков и один торговец. В поселке Кунцево было зарегистрировано 3 куз-

ница, 4 сапожника, 5 портных, 2 плотника, часовщик и красильщик. На оживление кустарных промыслов обращает внимание и местная администрация. В одном из отчетов Козловского вик за 1923/24 гг. указывалось о широком распространении в западных предместьях Москвы извозного промысла. Здесь образуются небольшие артели по перевозке грузов на кунцевские предприятия и строящиеся объекты. Но неземледельческий характер деятельности подобных артелей вызывал беспокойство властей. Козловский вик в своих решениях за 1927 г. требует лишать патента такие объединения и регистрировать на селе только артели сельскохозяйственного предназначения.

В то же время советская власть поддерживала инициативу крестьян по созданию кооперативов для обслуживания сельского населения в области повседневного быта и услуг. В Сетуни организуется артель «Селькожа» по выделке кож. Здесь же существовала небольшая артель пекарей. По данным 1926 г. в нее входило 6 пекарей, а товарооборот составлял 70702 руб. [7].

После гражданской войны начинают формироваться единые потребительские общества, объединяющие различные сферы услуг и торговли. Наиболее крупный кооператив располагался в Спас-Сетуни. По данным на 1923/1924 гг. в нем было 12 отделений, которые обслуживали 25 селений Козловской волости и 4 кунцевских предприятия. Этот кооператив насчитывал 9813 членов, имел две столовые-чайные, а денежный товарооборот достигал 193593 руб. [8].

Кооперативное движение охватывает и кунцевские фабрики бывших владельцев Раддавей, Сакс, Гинзбурга. Создаваемые в них кооперативы предназначались обеспечить рабочих и их семьи качественными продуктами и товарами первой необходимости. Но их деятельность оказалась малоэффективной: небольшая прибыль, значительные убытки, растраты, низкая квалификация обслуживающего персонала. Только на фабрике Раддавей летом 1923 г. доход составил 23 руб., а убытки - 4000 руб. Не случайно в рабочей среде ширится движение за создание единого рабочего кооператива кунцевских предприятий. Инициаторами этого почина явились рабочие ткацко-камвольной фабрики, решившие в ноябре 1923 г. «весь имеющийся капитал в рабочем кооперативе передать в единое потребительское общество».

Единый рабочий кооператив обслуживал рабочих и служащих кунцевских фабрик и заводов и население прилегающих территорий, обеспечивая их хлебобулочными изделиями и товарами массового спроса. В 1928 г. товарооборот составил 225000 руб. Тем не менее, в Кунцевский горсовет постоянно поступали жалобы кунцевчан о нехватке хлеба в магазинах кооператива, его плохом качестве, больших очередях, отсутствие в продаже одежды, обуви, о лучшем снабжении центра города, чем его фабричных окраин. Но принимаемые меры горсоветом носили общий декларативный характер: улучшить, наладить, обеспечить [9].

В Кунцеве, как и в сельской местности, создаются многочисленные потребительские общества и артели. Здесь размещалось руководство сельскохозяйственного крестьянского общества «Пахарь» с многочисленными филиалами и отделениями. В городе работало общество по развитию животноводства, существовали артели по изготовлению хлебобулочных изделий («Пекарь», «Булочник»), обуви («Сапожник», «Сапожное дело», «Добро»), возникают товарищества по кожевенному делу, перевозке грузов и строительных материалов, электрификации.

Непосредственное участие в обслуживании населения принимает и Козловский вик. При Доме батрака исполком содержал чайную, денежный оборот кото-

рой в 1925 г. колебался от 2000 до 3520 руб. Руководство признавало убыточность такой торговли [10].

В Кунцевской местности в годы нэп широкое распространение получили различные формы обслуживания населения в сфере общественного питания и торговли. Были открыты государственные, кооперативные и частные столовые, чайные, булочные, овощные и продуктовые магазины и палатки. Стационарная торговля существовала как в Кунцеве, так и в ближайших селениях. В летний период в связи с приездом дачников торговля заметно оживает. Наблюдается массовая сдача крестьянами своих приусадебных участков под торговые заведения. Нередко арендаторами земли были такие кооперативы, как «Пекарь», «Пахарь», «Булочник» [11].

Торговые точки общепита имели заметное распространение в рабочих поселках Кунцево и Спас-Сетуни. В поселке Кунцево при железнодорожной станции «Кунцево» работал буфет, в котором можно было получить первые блюда и холодные закуски. В поселке Спас-Сетунь была открыта кооперативная столовая для рабочих. Здесь же в государственном секторе открывается торговля пивом и вином с годовым оборотом в 90000 руб.

Торговые заведения преимущественно размещались по центральным улицам города - Главной, Некрасовской, Московской. На прилавках размещались галантерейные товары, детские игрушки, продукты. В поселках Большая Сетунь и Малая Сетунь Мосторг организует продажу табачных изделий на сумму в 205000 руб. В этих поселках частная торговля была представлена чайной, двумя продуктовыми и одной кондитерской лавками. На продажу поступали дефицитные продукты и лакомства - мясо, рыба, мороженое; товарооборот составлял 47000 руб. [12]

В середине 1920-х годов в Кунцеве насчитывалось 9 крупных, 12 средних и 14 мелких торговцев. К концу десятилетия наблюдается заметное сокращение частного сектора в сфере обслуживания. Происходит отказ власти по массовой регистрации патентов с предпринимателями, резко увеличивается размер налогообложения коммерческого сектора. По данным 1926-1927 гг. в поселке Кунцево были закрыты торговые палатки 24 торговцев, а в Сетуни - 5. Сокращение частной торговли продолжалось и в 1928-1929 гг. Из 109 предпринимателей, зафиксированных в Козловской волости, 59 (54,1%) прекратили торговые операции [13].

Особой формой нелегальной формы торговли было самогонование. Местные власти отмечали, «что все праздники, свадьбы, поминки в деревнях обслуживаются самогонкой». Не лучше была обстановка в Кунцеве. В июне 1926 г. в городе вводится ограничение в продаже вина в воскресные дни. Виновные в самогоноварении подвергались уголовному наказанию в виде принудительных работ сроком на один год, конфискации части или всего имущества, высылкой в отдаленные районы сроком на три года. Принимались и профилактические меры, связанные с обысками и изъятием самогонных аппаратов. За 1926 г. в Козловской волости было проведено 1897 обысков, обнаружено 507 самогонных аппаратов, 251 ведро самогона; к ответственности было привлечено 1310 человек [14].

В исследуемом районе недостаточным был ассортимент бытовых услуг. Одной из форм индивидуальной услуги и досуга являлась банная культура. Состояние данной сферы коммунального хозяйства оставалось плачевным. В Кунцеве городских бань в 1920-х годах не было. В частных владениях были собственные

бани. Рабочие фабричных поселков пользовались душевыми на своих предприятиях. Такие ведомственные бани были при фабрике №14, железнодорожной станции «Кунцево», военно-инженерных курсах, в поселке Сетунь. По мере роста численности в Кунцеве населения проблема строительства городской бани становится острой и актуальной. Козловский вик переходит к практическим мерам. В 1926 г. исполком просит президиум Московского УИК предоставить кирпичное здание нефтяного синдиката вблизи железнодорожной станции под городскую баню. Вероятно, этот вопрос так и не был решен. В 1929 г. в наказах кунцевских избирателей содержится пункт о строительстве в городе бани [15].

Сферы банковского, почтового, телеграфного и телефонного обслуживания находились в непосредственном ведении государства. В

1928 г. в Кунцеве насчитывались три сберкассы; две из них размещались при фабриках №14 и им. Ногина, а одна - на Филях. Документы свидетельствуют о том, что кредитные операции осуществляло кооперативное общество «Пахарь» с сетью собственных филиалов в сельской местности. По данным на 1926 г. в этом кредитном обществе насчитывалось 973 члена, обслуживанию подлежало 30 окрестных селений. Средний размер одной кредитной операции составлял 46 руб. Кредит выделялся на покупку семян, скота, сельхозинвентаря. Но деятельность общества «Пахарь» была малоэффективной; в нем появились долги в размере 23000 руб. и обнаружена растрата на сумму 7000 руб.

Почтовое отделение существовало в Кунцеве, здесь же находилась телефонная станция, которая обслуживала в основном местные предприятия, советские учреждения и сельские советы [16].

Крайне медленно в районе решались проблемы транспортных услуг. До середины 1920-х годов жители Кунцево пользовались извозным и железнодорожным транспортом с остановками на платформах «Фили», «Кунцево» и «Кутузово». В 1925 г. от площади Свердлова до Сетуни был открыт первый автобусный маршрут №2, соединяющий центр Москвы с Кунцево. Но качество обслуживания было низким. Местное население жаловалось на большие интервалы в графике движения автобуса, неблагоустроенность существующих остановок и их отсутствие на оживленных улицах, неудобное время прибытия вечерних поездов на станцию «Кунцево». В многочисленных заявлениях кунцевчан местным властям содержалась просьба восстановить время прибытия поезда в Кунцево в 20 час. 55 мин, отмененное ранее и замененное прибытием в 22 часа. В наказах рабочих за 1928 г. предлагалось установить остановки автобуса у проезда Загорского, 13-м километре и фабрике №14 с одновременным возведением навесов для пассажиров [17].

В 1920-е годы практически не изменилось медицинское обслуживание населения, заложенное здесь еще в дореволюционное время. Но оно обновляется и расширяется. В Сетуньской больнице, открытой в конце

XIX в., продолжали действовать хирургическое, родильное и терапевтическое отделения. В 1927 г. принимается решение о строительстве при больнице нового корпуса с амбулаторным и стационарным лечением. Местное население обеспечивалось медикаментами через три частные аптеки, расположенные в Кунцеве. В городе существовала ветеринарная лечебница, обслуживающая городских и сельских жителей [18].

Советское государство большое внимание уделяло образованию - ликвидации неграмотности, развитию начального и среднего образования. Но нехватка

средств на образование вело к некачественному обучению, второгодничеству, недостатку учебных пособий, школьных принадлежностей и учебных классов. Все эти недостатки проявлялись при организации учебного процесса в Кунцеве.

Недостаточно активно здесь реализовывался в жизнь Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 14 августа 1923 г. о ликвидации неграмотности к 1927 г. Школы и пункты ликбеза существовали при предприятиях, учреждениях, военных частях, общественных организациях. Но эти пункты были малочисленны, часть из записавшихся слушателей уклонялась от учебы, мотивируя, как правило, семейными обстоятельствами. В ходе проверки ряда пунктов ликбезов выяснилась очень неблагоприятная картина. Работницы фабрики Раддавей были недовольны отменной одного часа от производства, который ранее предназначался для посещения пунктов ликбеза. А работницы фабрики Сакс, критикуя плохую организацию учебы своих детей, заявляли «Научите наших детей, а потом учите нас» [19].

В начале 1920-х годов в Кунцеве и Сетуни насчитывалось 5 школ, в которых обучалось 532 ученика. В этих учебных заведениях практиковались различные модели обучения 1 и 2 степени с начальным и средним образованием. В школах 1 ступени стали открываться группы для умственно отсталых детей и великовозрастных подростков.

При фабрике бывшего владельца Гинзбурга в 1921 г. открывается школа для детей рабочих и служащих. Зарботная плата учителям выдавалась из заводского бюджета. Окончившие эту школу могли поступать в школу 2 ступени.

В Кунцеве делаются попытки организовать частное образование. Козловский вик поддержал инициативу рабочих двух фабриках Реддавей и Сакса о создании при школе 2 ступени в Кунцеве дополнительную группу на средства родителей. Но эксперимент не удался: у рабочих не хватало денег для оплаты обучения своих детей. Московский уездный исполнительный комитет (УИК) согласился с предложением Козловского вик о переводе этой группы на бюджет, но при условии включения в неё детей из соседних селений. В новом 1925/26 учебном году группа пополнилась 37 учащимися из Филей, Давыдково и школы фабрики Реддавей. В 1926 г. было принято решение о преобразовании школы 1 ступени в Кунцеве в школу 2 ступени.

В Кунцеве появляются специализированные школы 2 ступени с углубленным изучением физики, химии, экономики, художественного ремесла. Одна из таких школ существовала при железнодорожной станции «Кунцево». В здании бывшего коммерческого училища в 1921 г. открылась школа-техникум, впоследствии преобразованная в школу 2 ступени с экономическим профилем. В 1927 г. в Кунцеве появляется филиал Московских музыкальных курсов имени Стравинского. В 1928 г. здесь же организуются частные одногодичные курсы кройки и шитья [20].

На протяжении 1920-х годов местные власти пытаются решить проблему нехватки школьных помещений. В Кунцеве под учебные классы отводили общежития учителей и рабочих, бывшие дачи частных владельцев. Городские власти принимают решение о строительстве школы на 400 мест.

В школах хронически не хватало учебников; в начале 1920-х годов нередко один учебник приходился на три ученика. Местной власти приходилось решать сложные вопросы, связанные с условиями работы учителей, обеспечением их жильем, выплатой заработной платы, улучшением бытовых условий. В информационных сводках ОГПУ постоянно сообщалось о недовольстве учителей Московско-

го уезда низкой заработной платой, невыплатой квартирных и сверхурочных часов. Судя по документам, заработная плата учителей Кунцево и окрестных селений колебалась от 30 до 50 руб. Для сравнения отметим, что средняя заработная плата кунцевского рабочего колебалась от 60 до 120 руб.

О тяжелом положении кунцевских учителей свидетельствует заявление преподавательницы Н.Лутц. Её заработная плата в школе 1 ступени составляла 32 руб., из которых 10 руб. уходило на оплату наемной квартиры. На остальные 22 руб. ей приходится жить вместе со своей малолетней дочерью. С горечью и отчаянием она пишет: «Я никак не могу больше так существовать».

Увеличение заработной платы на 7-8% вызвало недовольство школьных педагогов. В 1925 г. общее собрание учителей Козловской волости потребовало увеличить заработную плату на 20%, выдачи специальной одежды и квартирных. В результате переговоров было принято компромиссное решение: увеличить заработную плату на 13%. Средняя оплата учителей была повышена с 37 руб. до 45 руб.

В Кунцево и его окрестностях слабо было развито дошкольное образование. По данным 1921 г. детские сады находились при кунцевских фабриках бывших владельцев Гинзбурга, Раддавей и Сакс, а также Высшей школы светомаскировки. Вблизи Сетуньской больницы размещался детский приют, переведенный впоследствии в район Очаково и Аминьево [21].

В центре внимания местных властей стояли вопросы благоустройства города Кунцево: проведению водопровода, озеленению, электрификации, радиофикации, улучшению дорог и т.п. В 1926-1929 гг. в Кунцево проходят масштабные работы по строительству водопровода, обеспечивающий водой основные улицы - Некрасовскую, Московскую, Пионерскую, Главную, сетуньские бани, жилой поселок «Красный пролетарий». Наряду с городским бюджетом, привлекались средства предприятий. По данным 1928 г. было проведено 2317 метров водопровода и израсходовано 65546 руб.

Одновременно проводятся мероприятия по благоустройству дорог, состояние которых было неудовлетворительным. В протоколе Козловского вик от 12 июня 1923 г. указывалось, «что дороги пришли в негодность и не представляется возможным, а также и проехать даже с пустой телегой». Начинаются работы по замощению Можайского шоссе в границах города, организуется ремонт и строительство пешеходных мостов, тротуаров, дорожных переходов. Но на эти цели выделялись незначительные суммы: в 1929 г. было израсходовано лишь 400 руб. В связи с нехваткой средств Козловский вик облагает нэпманов и домовладельцев особым дифференцированным дорожным сбором в размере от 25 до 1000 руб. [22]

Остро в Кунцево стоял вопрос об электрификации района. 14 апреля 1923 г. Кунцевский вик принимает решение о полной электрификации поселков и селений. Начинается прокладка высоковольтной линии через Фили и Кунцево, на пересечении Можайского и Рублевского шоссе сооружается подстанция с трансформатором. Ток подается в советские и государственные учреждения, клубы, предприятия, жилые дома. Однако процесс электрификации Кунцево и его окрестностей затянулся, особенно в частные домовладения. Это объяснялось высокой стоимостью внутренней проводки электричества, большими тарифами по оплате израсходованного электричества. Стоимость одной лампочки в то время составляла 10 руб. По данным на 1928 г. в Кунцево насчитывалось 800 абонентов

и 200 электросчетчиков. К началу 1930-х гг. было освещено 13 городских улиц, установлено 40 уличных фонарей.

Во второй половине 1920-х годов в Кунцеве и ближайших поселениях проводится радиофикация. В конце 20-х - начале 30-х годов XX в. здесь насчитывалось 800 радиопередатчиков, а также был установлен громкоговоритель.

В 1920-е годы местные власти начинают уделять внимание экологическим вопросам района. В Кунцеве проводят мероприятия по озеленению улиц, защите лесных насаждений, соблюдению санитарных правил содержания жилых помещений. Но принимаемые меры не давали должного эффекта. Кунцевский горсовет в 1929 г. вынужден был признать, что «благоустройство по городу Кунцево из рук вон плохо» [23].

После двух кровопролитных войн среди населения заметно увеличивается желание к физическому и духовному отдыху. Советские и партийные органы начинают активно пропагандировать и развивать коллективные виды досуга и отдыха, основанные на идеях марксизма-ленинизма. Прежде всего, официальная пропаганда культивировала организацию и проведение важнейших государственных праздников - 1 Мая и 7 ноября. Соответствующие органы определяли маршруты шествия колон демонстрантов, лозунги на транспарантах, наведение общественного порядка, бесперебойной работы торговых точек, организации праздничного досуга с показом кинофильмов, спектаклей, концертов с привлечением профессиональных артистов и художественной самодеятельности. Но в рабоче-крестьянской среде еще были живы старые традиции проведения досуга, в том числе религиозные. 1 мая 1926 г. произошло совпадение празднования Дня международной солидарности трудящихся с пасхой Рождества Христова. Среди рабочих Подмосковья распространялись разговоры о том, «что на демонстрацию 1 Мая не пойдут». В других случаях отказ от участия в важных политических акциях жители объясняли недовольством политикой Советской власти. В 1929 г. в связи с ограничением поставки хлеба в пригородные селения крестьяне деревни Черепаново близ Кунцево отказались от участия в демонстрации 1 Мая.

Документы свидетельствуют об острой борьбе нового и старого укладов в жизни и досуге кунцевских рабочих и крестьян окрестных селений. Житель Рублево А.Сардановский вспоминает, что в 1920-е годы граждане поселка широко отмечали Рождество, масленицу и Троицу. Во дворах «расставлялись столы с угощением, пили сбитень, брагу, квас собственного изготовления. У клуба играла музыка, танцевали так до самого вечера». Масленица сопровождалась «ездой по поселку на розвальнях компаниями по 4-6 человек». Новый год жители поселка отмечали дома, а «затем выходили на каток, гуляли по улицам, пели песни под гармонь, катались на санях». На катке возводилась елка, в украшении которой принимали все жители. Стремление к новому укладу жизни проявляется в среде сельских жителей. Они также пытаются организовать собственные места общения: клубы, избы-читальни, дома батраков. Один из таких домов-батраков в 1928 г. был открыт в Кунцеве. Подобные мероприятия, как правило, носили политизированный характер. В обращении по поводу открытия этого дома отмечалось: «Мы, батраки, с устройством у нас культурного очага - дома батраков еще теснее сплотимся вокруг совета» [24].

Сфера отдыха и досуга жителей Кунцево и его предместий была связана со спортом, посещением театров, кинематографа, парков отдыха, рабочих и сельских клубов. Следует признать, что местные органы власти содействовали раз-

личным сферам досуга людей. Эти вопросы постоянно были в повестке заседаний Козловского вик и Кунцевского горсовета.

На всех кунцевских фабриках и заводах были открыты рабочие клубы, носящие имена известных деятелей революционного движения - Розы Люксембург, Карла Либнихта, Владимира Ленина (клуб «Заветы Ильича»). В них имелись библиотеки, организовывались спектакли, читались лекции, показывались фильмы «Красные дьяволята», «Банда атамана Кныша» и др. В заводских клубах основу коллективного досуга составляли самодеятельные театры, музыкальные, хоры и драматические кружки.

В 1922 г. Московский уик образует театральное управление, в подчинении которого находились ведущие кунцевские клубы и два театра - Кунцевский и Сетуньский. Кунцевский театр размещался в клубе имени Загорского, был электрифицирован, имел зал на 500 мест и киноустановку с электродвигателем. Однако театр оказался убыточным и был передан в аренду Козловскому вик [25]

В летний сезон работала лодочная станция, и открывался пляж на Москве-реке близ Кунцево. Кунцевчане особенно ценили такой вид спорта как футбол. В центре города возводится футбольное поле, на котором ежедневно играли в мяч. Кунцевский горсовет совместно с администрацией заводов организует массовый каток на Богдановских прудах. В 1928 г. открывается городской каток с освещением, раздевалками и сторожевой охраной [26].

Итак, архивные материалы свидетельствуют о том, что в годы нэп в Кунцеве и его окрестностях постепенно восстанавливается мирная жизнь, население вовлекается в различные формы отдыха и досуга. В этом процессе участвует не только государство, но и частный капитал, особенно в сфере торговли. Но к концу 1920-х годов происходит свертывание коммерческой деятельности, советские органы власти стали играть ведущую роль в организации хозяйственной и духовной жизни общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иоффе А.Н. Быт Москвы 1920-х годов: социокультурные зарисовки // Преподавание истории в школе. 1997. №5, с. 15-19; Лихвина В.И. Нэп и частное предпринимательство в Приангарье // Иркутская область в панораме веков. Иркутск, 1997, с. 101-104; Гончарова И.В. Нэп в Орловской губернии (политические и социально-экономические аспекты). Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Орел, 2001.
2. Шаламов В.Т. Воспоминания. М.: Олимп Астрель, 2001, с. 384; Данченко М.В. Наследие Кунцева. М.: Изд-во Москва, 2012, 352 с.;
3. Прохоров М.Ф. Общественно-политическое настроение рабочих подмосковного Кунцево в 1920-е годы // История Московского края. Проблемы, исследования, новые материалы. М.: МГОУ, 2016, с. 129-139.
4. Центрального государственного архива Москвы. Отдел хранения документов общественно-политической истории Москвы (далее - ЦГА Москвы. ОХ-ДОПИМ). Ф.3. Оп.2. N49. Л.196-202; Прохоров М.Ф. Указ. соч., с.130 -131.
5. Центральный государственный архив Московской области (далее - ЦГАМО) Ф. 744. Оп.1. Д. 94. л. 8; Д. 97. л. 46; Д. 122. л.11; Д. 265. л.156; Д. 359. л. 27; Д. 483. л.89; Д. 489. л. 99; Ф. 804. Оп.1.Д. 257. л.15.
6. ЦГАМО. Ф. 261. Оп.1. Д. 104. л. 24; Ф. 744. Оп.1. Д. 192. л.151; Д. 532. л.1-9.

7. ЦГАМО. Ф. 744. Оп. 1. Д. 483. л. 89,92; Ф. 804. Оп. 1. Д. 257. л. 33,55-56; Вперед. 1930. 6 ноября.
8. ЦГАМО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 188. л. 51; Д. 263. л.25; Ф. 744. Оп. 1. Д. 265. л.151; Д. 489. л. 248-249; Ф. 804. Оп. 1. Д. 195. л. 42-43; Ф. 2213. Оп. 1. Д. 173. л. 28,34.
9. ЦГАМО. Ф. 744. Оп. 1. Д. 265. л.152; Д. 359. л.13; Д. 489. л.140; Ф. 804.
10. Оп. 1. Д. 195. л. 63.
11. ЦГА Москвы. ОХДОПИМ. Ф.126. Оп.1. Д. 89. л.32; ЦГАМО. Ф. 744. Оп. 1. Д. 500. л.31,36.
12. ЦГАМО. Ф. 744. Оп. 1. Д. 192. л. 128 об.; Д. 489. л. 67;Ф. 804. Оп. 1. Д. 195. л. 35-37.
13. ЦГАМО. Ф. 744. Оп. 1. Д. 192. л.128-129; Д. 359. л. 28; Д. 532. л. 9; Ф. 804. Д. 199. л. 5-7; Д. 284. л.7; Д. 285. л. 5-15.
14. ЦГАМО. Ф. 804. Оп.1. Д. 199. л. 1-5; Д. 284. л. 6.
15. 13.ЦГАМО. Ф.744. Оп. 1. Д. 21. л. 40; Д. 192. л.78-78 об.,128 об.; Ф. 804. Оп. 1. Д. 199. л. 5-7.
16. ЦГАМО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 70, л. 158; Ф. 744. Оп. 1. Д. 265, л.26; Д. 359, л. 21; Ф. 2170. Оп. 1,Д. 3, л.114-114 об.
17. 15.ЦГАМО. Ф. 261. Оп. 1. Д. 104. л. 98; Ф. 744. Оп. 1. Д. 482. л.13; Д. 489. л. 99; Д. 500. л. 70 об.; Кунцево. 2004. № 9.
18. ЦГАМО. Ф. 744. Оп. 1. Д. 483. л. 43 об.; Д. 489. л.187,311,374; Д. 599.
19. л. 83; Знамя Ильича. 1957. 3 ноября.
20. ЦГАМО. Ф. 261. Оп. 1. Д. 104. л.186; Ф. 744. Оп. 1. Д. 403. л. 90 об., 99;
21. Д. 489. л.149 об.; Д. 500. л.70 об.
22. ЦГАМО. Ф. 744. Оп. 1. Д. 262. л. 235-236; Д. 265. л.138,152; Д. 489. л. 236, 265, 280.
23. ЦГА Москвы. ОХДОПИМ. Ф.126. Оп.1. Д. 29. л. 35-37; ЦГАМО. Ф. 744. Оп. 1. Д. 265. л.136.
24. ЦГАМО. Ф. 744. Оп.1. Д. 194. л. 30; Д. 359. л. 48; Д. 482. л. 359; Ф. 4424. Оп.1. Д. 82. л. 22-23, 43, 85.
25. ЦГА Москвы. ОХДОПИМ . Ф. 3. Оп. 5. Д. 47. л. 35 об.; Д. 56. л.100; ЦГАМО. Ф. 744. Оп. 1. Д. 82. л.16; Д. 500. л. 66, 72; Ф. 804. Оп. 1. Д. 203. л. 42-48, 93; Ф. 4424. Оп. 1. Д. 334. л. 54.
26. ЦГАМО. Ф. 261. Оп. 1. Д. 104. л.18; Ф. 744. Оп. 1. Д. 192. л.71; Д. 500. л.15-18, 49; Д. 649. л. 63.
27. ЦГАМО. Ф. 744. Оп. 1. Д. 192. л. 49; Д. 380. л.139; Д. 500. л.81; Ф. 2213. Оп. 1. Д. 9. л.13; Знамя Ильича. 1957. 3 ноября.
28. ЦГА Москвы. ОХДОПИМ . Ф. 3. Оп.7. Д. 57. л. 155; ЦГАМО. Ф. 65. Оп. 3. Д. 41, л. 130; Д. 82. л.18; Кунцево. 2005. № 1.
29. ЦГА Москвы. ОХДОПИМ. Ф.126. Оп.1. Д. 89. л. 77; ЦГАМО. Ф. 744. Оп. 1. Д. 192. л. 37; Д. 193. л. 68; Д. 236. л.12,21,51-53,60; Д. 359. л.10; Д. 500. л. 48.
30. ЦГАМО. Ф. 744. Оп. 1. Д. 359. л.15; Д. 500. л.39; Д. 759. л. 3, 72, 215.

Информация об авторе: Прохоров Михаил Федорович, профессор, доктор исторических наук, профессор Института туризма и гостеприимства (г. Москва) (филиал) ФГБОУ ВО «Российский государственный университет туризма и сервиса». 125438, г. Москва, Кронштадтский бульвар, д.32 А.

e-mail: 2210.mfp@mail.ru

г. Москва, Россия

Поступила: 06.01.2020

После доработки: 13.02.2020

Принята к публикации: 27.02.2019

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Mikhail F. Prokhorov, Professor, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Institute of Tourism and Hospitality (Moscow) (branch) of the Russian State University of Tourism and Service.

32 A. Kronshtadtsky Boulevard, Moscow, 125438.

e-mail: 2210.mfp@mail.ru

Moscow, Russia

The paper was submitted: 06.01.2020

Received after reworking: 13.02.2020

Accepted for publication: 27.02.2019

The author have read and approved the final manuscript.